Александр Петров
Путь к отцу

Александр Петров

Путь к отцу (сборник)

«Автор»

2012

Петров А.

Путь к отцу (сборник) / А. Петров — «Автор», 2012

«Кто я сейчас? Надо посмотреть правде в глаза и честно признаться: никто. Без денег, без документов, без жилья – бродяга, объект насмешек и позора. Кому я такой нужен? Абсолютно никому. Разве только очередным бандитам для рабства. Можно, конечно, и так, но не лучше ли вернуться к отцу, как советует чистая детская душа, и уж там, в родных пенатах, быть рабом. Могу ли я надеяться получить у отца что-то больше, чем быть его наемным работником? Ведь свое наследство я уже получил и самым позорным образом промотал…Как бы поступил я на месте отца? Жестоко, но справедливо, как учит жизнь, как требуют правила предпринимательства: вон отсюда, негодник, ибо предавший раз предаст и еще не раз. Отделился – вот и живи своим умом. Теперь у тебя своя жизнь, в мою не лезь, не мешай. Здесь подают на паперти строго по воскресеньям и не больше монетки, так, чтобы на хлеб. Это я так сказал бы…»

© Петров А., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Стать большим 5
Последний день 8
Полигон 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Петров
Путь к отцу

Стать большим

На огромной планете среди множества людей жил маленький человечек. И называли его по-маленькому – Ваня. Жил, как научили его маленькие родители. Они внушили Ване, что нужно делать все так, чтоб никому не мешать, а стремиться к простоте, покою, не выходя за рамки, предписанные маленькому человечку, «чтобы чего не вышло».

И Ваня так жил. Лишь однажды почувствовал он, как сердцу стала тесной грудная клетка. Мимо проходил высокий и недоступный. Тогда Ваня знал уже, что кроме людей маленьких есть еще и большие. Ему полагалось остерегаться их, поэтому он даже и не стремился приблизиться к их огромному миру. Но этот большой и непостижимый проходил так близко, а сердце запульсировало требовательно и тревожно. Ване на миг представилось, что это также близко, как пыльная земля под ногами, как спертый воздух, которым он дышал.

Осмелел Ваня и, чувствуя прилив сил, приблизился к проходящему и потянулся так высоко, как смог. Все тело выпрямилось. Встал он на носочки, ладонь взметнулась на страшную высоту, голова непривычно закружилась… Еще чуть-чуть и он мог потерять равновесие, Ване стоило великого труда удержаться, чтобы не упасть. Он потянулся так высоко, как никто из его знакомых – но достал лишь до середины огромного каблука. И этот каблук стремительно летел сквозь пространство и время, рассекая воздух со свистом летящего снаряда. Человечек, оглушенный, втянутый в вихрь, закрутился, замелькал и рухнул на теплую свою и спокойную землю. Оседающая пыль покрыла Ваню теплым одеялом, успокоила бубухающее сердце. Он встал и отряхнулся.

Высокий и недоступный оказался уже далеко и вовсе не летел, а спокойно шел себе к своей далекой цели.

Человечек с благодарностью вспомнил наставления родителей и решил больше никогда не сближаться с той непонятной, страшной и чуждой ему жизнью. Так решил Ваня. Он убедил себя опытом. Но в самом потайном и маленьком уголке его души осталось какое-то недоумение.

Между тем все вокруг текло и менялось. Менялся потихоньку и он. В жизни его появилась женщина. Она была еще меньше человечка, называла его Ванечка, и это ему нравилось. К тому же в ней – в движении миниатюрных плеч, в блеске глаз и медовых словах – жила некая трепетная тайна, которая волновала и манила к себе. Родители учили Ваню, чтобы постичь тайну женщины, необходимо жениться. Он организовал скромную свадебку, на которую пригласил лишь тесный кружок знакомых, и все удалось. Гости кушали и танцевали, а потом разошлись.

Тайна оказалась простой и небольшой, ее хватило на несколько недель. Потом стало скучно, а потом и вовсе никак… Человечек жил тихо-тихо, так что ему стало незаметно самого себя. Ваня ужался, умалился до размеров той самой точки в самом потайном и маленьком уголке своей души, в котором скрылась тайна недоумения.

Нет, почему? – оставались еще руки, ноги и голова. Он, как и раньше работал, ел и двигался внутри своего круга по предписанным старшими законам. Ваню хвалили жена и родственники, знакомые и начальники. Но существовал он только ради той маленькой точки в душе, в которой, как в холодной земле, покоилось до времени зернышко.

Так заведено в природе, что после зимы наступает весна и приносит тепло и свет. Эта весна обрушилась на планету решительно и властно. Солнце пронзило светом все большое и малое, и не осталось ни единого уголка, куда бы оно ни протянуло свои животворные лучи.

Нет, не произошло никакого чуда. Просто зернышко в душе маленького человечка проросло и стало набирать силу. Вместе с Ваней росла и сама душа его. И человек стал большим, потому что у кого большая душа, тот уже не может оставаться маленьким. Люди, с которыми жил Ваня, стали упрекать его в высокомерии, потому что он смотрел на них с высоты своего роста. Он мог, конечно, сравняться с ними своей точкой зрения, но для этого ему нужно было стать перед ними на колени, а вот этого Ваня уже никак позволить себе не мог. Как не мог и называться более Ваней. Он стал называть себя Иваном и требовал этого от других. Осуждали его теперь открыто и громко, только голоса их слышались все тише и тише: Иван рос, и совсем другое стало достигать его сознания.

Обнаружил Иван, что его вселенная, которая ему казалась огромной – это лишь мизерный кружок там внизу, а мир на самом деле куда обширнее. Воздух здесь в высоте чистый, вовсе не пыльный, и небо не серое, а синее… Увидел он и людей, кишащих там внизу. Также обнаружил Иван, что до самого горизонта он такой один. И в этот миг ему вспомнился тот, высокий и недоступный, который походя посеял в его душе маленькое зернышко сомнения.

Он решительно пошел туда, где скрылся таинственный незнакомец – за горизонт. На своем пути многое постигал Иван из законов большой жизни, но чем больше узнавал, тем больше рождалось новых вопросов. Например, ему стало до боли в сердце жаль маленьких человечков, которые копошились в пыли и ничего не желали знать о другой, большой, необозримой жизни. Он шагал все дальше, удаляясь в голубые дали, но понял, что познания мира также бесконечны, как бездонно это синее небо вокруг.

Наконец, за далекими далями, высокими горами, широкими полями, глубокими морями нашел Иван тех, высоких и ранее недоступных. Они сразу узнали его и приняли в свой круг. И поселили его в своем городе, где улицы широки, а дома подпирали синие небеса. Где люди не суетились, а больше думали и рассуждали. Первое время все новое и интересное захватило Ивана, увлекло, вскружило голову. И многое узнавал он, и многому удивлялся в этом новом мире высоких познаний и головокружительных идей.

Между тем жизнь его как-то устроилась. Однажды в компании сослуживцев познакомился Иван с тремя, которые отличались от других. Внешне, разговорами, в деловом отношении, пожалуй, не выделялись они из среды остальных. Но только что-то таинственное выглядывало иногда из зрачков их серьезных глаз. Быть может, мягче, уступчивее других оказывались их решения. Да и между собой эти трое имели полное согласие и завидное дружелюбие. Какая-то невидимая властная сила притягивала к ним Ивана.

И решился он, и пришел к ним. Трое приняли Ивана просто, как давнего друга. С того дня все изменилось. Новую спираль захватывающих знаний пришлось постичь Ивану. И эта новизна существенно отличалась от всего, что ему довелось испытать. Весь мир, все предыдущие представления о нем, вся история и наука – все абсолютно приобретало новый смысл. День за днем эти трое открывали Ивану совершенные и таинственные стороны жизни, которые называли истиной.

Сначала с трудом давалась Ивану новая жизнь, потом легче, затем он сам стал задавать множество вопросов, которые требовали немедленного разрешения. Но в один прекрасный день он понял, что приблизился к невидимой, но вполне ощутимой стене, которую ему простым накоплением знаний уже не преодолеть. Дальнейшее познание истины требовало от Ивана существенного изменения самого себя.

– Готов ли ты, Иван, измениться настолько, чтобы идти дальше? – спросили они.

– Я сумел понять лишь самое малое. И что-то мне подсказывает, что это лишь капля в океане, – сказал Иван, с трудом преодолевая волнение. – Конечно, останавливаться на полпути глупо, и кажется мне уже невозможным. Да, я готов.

– Видишь, там, на самой высокой горе – сияющий золотом Крест?

– Нет… Хотя, постойте! Да, только сейчас увидел, – обрадовался он.

– Тогда иди, взойди на гору и возьми этот Крест на себя. Только имей в виду, что снять его – смерти подобно. Лучше тогда и не идти, лучше остаться, как есть, лучше даже сойти вниз и вернуться в прежнее состояние маленького человечка Вани.

– Нет, братья, вернуться к прежнему я не хочу. Этот голод… – он растет день ото дня. Душа требует насыщения. Я готов взять Крест, и если надо, умереть с ним. Только жить как раньше, не могу.

Обняли его трое братьев, поздравили с главным выбором в жизни и повели к высокой горе. Вместе они прошли по знойной долине, обливаясь горячим потом, омылись в чистых ниспадающих водах реки, просушили и отбелили одежды в солнечной долине у подножия, восходили на сверкающую вершину, помогая друг другу, заботливо поддерживая Ивана. Должно быть, самому ни за что не суметь ему подняться на эту высоту, на почти вертикальную скалу, в такую высь, где небо фиолетово-синее, воздух пронзительно чист, а солнце – ярче тысячи земных солнц. Должно быть, разбиться бы ему насмерть, упасть в изнеможении, если б не заботливые руки, постоянно поддерживавшие его. Наконец, Иван встал рядом с Крестом, удивился, что он не золотой а вблизи его сияние не заметно, и услышал громовые слова:

– Имя твое отныне Иоанн. Бери и неси.

Лишь протянул свои руки Иоанн к деревянному восьмиконечному Кресту с четырьмя коваными гвоздями – Крест наклонился и мягко лег ему на спину. Средняя перекладина опустилась от правого плеча на грудь, Иоанн обхватил руками теплый деревянный брус.

В этот миг произошло нечто неожиданное. Иоанн вырос настолько, что стал видеть выше края звезд, глубже земной бездны. Одновременно с этим под тяжестью креста ноги, как в песок, погрузились вглубь. Глаза Иоанна установились на уровне, где в самой затхлой пыли у самой-самой земли жили свою маленькую жизнь маленькие человечки.

Сначала он немного растерялся, решив, что утонул. Но, подвигав ногами и руками, удостоверился в своей свободе. Более того: Иоанн ощутил способность передвигаться с немыслимой скоростью, одновременно видеть и слышать множество людей, знать даже сокровенные их мысли. Обнаружил он в себе и умение воздействовать на людей с помощью невидимой, но вполне ощутимой силы. Понял он также, что эта вездесущая добрая сила действует через Иоанна только тогда, когда все внимание его устремлено к нуждам и бедам маленьких людей.

Когда, наконец, Иоанн освоился со своим новым состоянием…

Когда сумел принять единство бремени Креста и нечеловеческой свободы…

Когда весь его огромный разум умалился до той самой мизерной точки в душе, из которой она и выросла…

Когда в этой точке он обнаружил бесконечность времени, света и доброго могущества…

…Тогда оттуда хлынуло и затопило его самого, весь мир и всю бесконечную вселенную нечто желанное, родное и радостное, что прозвучало дивным звуком, – любовь.

Тогда Иоанн вместил в своем сердце всех людей, животных, растения, ранее чужой холодный космос – и любовь, дарованная ему свыше, обняла и обогрела всю эту необозримость. Слезы благодарности источились из глаз его и пролились на землю.

А маленькие человечки, измученные долгой жаждой, обрадовались: серое небо пролило на их пыльную землю радужный звонкий дождь.

Последний день

Дверь за мной противно скрипнула и все-таки предательски хлопнула. Ноги не хотят идти. Да и куда? Теперь… После этого… Сел на эту – как ее? – банкетку. Та-а-а-ак…

Нет, я, конечно, уже был готов. Меня предупреждали, мне говорили: сходи и проверься. Вот и проверился. «Завтра с вещами в клинику!»

Так! Спокойствие, только спокойствие. Это только пока в клинику. Это еще только на более серьезное обследование. Но как он это сказал! Сколько в его глазах было… обреченности, что ли? Да что там! Он говорил это не человеку, а уже… Словом, не человеку. Спокойствие. Может быть, ему зарплату снова задержали; может быть, жена на него утром накричала. Да может, он с детства такой мрачный. Хотя, с другой стороны, если после изучения анализов, вот с таким лицом, и вот с таким взором, и с таким сокрушением… И в такую клинику.

Последний день? Как бы это ни было грустно, но давай примем это. Смиренно, спокойно, с пользой для… Ага, вот ты и не готов даже к ответу на этот вопрос.

Открыл записную книжку, щелкнул авторучкой и записал первое, что пришло на ум: «1. Примириться со всеми». Уже неплохо. А что если после этого следом обида проскочит? Значит: «2. Научиться всех любить». Вот так.

Выхожу на улицу. Вопреки моим надеждам здесь с серого небосвода по-прежнему моросит мелкий дождик. Медленно, с частыми остановками иду домой. Жадно вглядываюсь в окна домов, рассматриваю деревья, редких прохожих, кошек и собак, голубей и воробьев. Замечаю в себе острый интерес ко всем проявлениям жизни, которая несмотря ни на что продолжается и обнаруживает себя постоянными шевелениями и копошением, игрой света и тени, отражением неба в лужах… Дождик собирается в большие капли на моем лице и стекает по щеке на подбородок – и это впервые не раздражает, а радует.

Это что же, я возлягу на одр, а это все будет и при моих последних вздохах, и даже после их вечного замирания? И ничего не изменится… Вон та мокрая кошка, крадущаяся за нахохлившимся воробышком, будет продолжать охотиться; вот эта береза будет сбрасывать пожелтевшую и надевать новую листву, вот этот драндулет будет ждать у подъезда водителя и возить его из дома на работу, а потом на рынок за картошкой…

В этот момент я понял, как я люблю жизнь! Острая жалость к себе наполнила грудь и перехватила дыхание. Какое-то время хотелось рыдать и выть. Никто сейчас не мог понять меня, никто не мог помочь. С этим каждый справляется в одиночку. Всегда почему-то именно в одиночку. Два квартала я жалел себя. Два квартала упивался абсолютным одиночеством и хождением по краю черной пропасти.

И когда мое отчаяние достигло апогея, и я впервые остро осознал свою немощь в изменении судьбы, разом обмяк и даже почувствовал какой-то малодушный комфорт этого нового моего состояния детской беспомощности, – вдруг во мне просвистел мощный вихрь. Прислушался к себе: все изменилось! Истина ворвалась и… освободила меня. Да, я стал свободным! Рухнули с глухим звоном цепи условностей. Натянулись и лопнули ветхие сети обманов. Я ступил за невидимую черту и перешел в другой мир.

Совершенной ерундой показались безденежье, подступающая слабость, конфликты на работе и в семье. Абсолютно обесценилось ущемление моих прав кем-то другим, моего самолюбия и самомнения. Все это рухнуло и валялось где-то далеко – внизу, на глубине той пропасти, куда звало меня двухквартальное отчаяние.

В этом новом моем состоянии среди ярких золотистых лучей, льющихся из будущего сверху справа, уродливыми громадами высились и требовали немедленного оперативного удаления метастазы обид и ненависти. Теперь уже не кошки с воробьями, а только они, эти мои греховные чувства, интересовали меня.

Безжалостным взором глядел я внутрь своей души и содрогался от страшного вида этих мерзких порождений. «Какой же я урод! Все эти мусорные кучи – это же я сам! Это мое личное приобретение» – блеснуло откровением.

Вот это – обида на моего вечно пьяного друга, который обманом выманивал у меня деньги и вещи, пропивая их. И я смел обижаться на этого несчастного больного человека! Да он мой спаситель! Он показал мне мою жадность и злобу. Разве не расплывался он в извиняющейся улыбке, не светился виноватым лицом, когда в минуты какого-то прозрения я воспарял над суетой своих амбиций и общался с ним, как с равным, по-доброму, как с братом. Это я и виноват в его падении. Я виноват в его горе. Вспомнилось из ранее прочитанного и давно забытого: как там?.. Не спрашивай, по ком звонит колокол, потому что он всегда звонит по тебе. Если погибает твой друг, то вместе с ним погибаешь и ты.

Вот это – затаенная злоба на должника. Он брал деньги на похороны матери сроком на месяц, но не вернул и через год. Я звонил ему с угрозами и обещанием «разобраться», а он молчал! До сих пор не может найти работу, пьет с горя… Еще один пример моей жадности и злобы. И тебе спасибо, друг. Прости и ты меня, подлого.

Женщина. Одинокая и потерянная. Она полюбила меня, окружала меня вниманием, готова была на все, только бы лишнюю минуту провести со мной. Некому ей больше отдать женскую нежность, не на кого излить свое нерастраченное материнство. Ох, как она меня раздражала! Как я упивался своей властью над ней! И не выдержала она такого грубого попрания последней любви. Сорвалась, наговорила резкостей, кричала даже. Я, конечно, спокойный и рассудительный, убийственно вежливый и холодный, как зимний гранит, выслушал ее и высказал фразу, целиком состоявшую из вежливых, правильно подобранных и расставленных ядовитых слов. Помнится, жалко ее стало на какой-то миг. Мне бы тогда извиниться, пожалеть ее… Нет, затоптал жалость, погасил. Мне бы найти ее, выпросить прощения. Она бы, конечно, простила. Только где теперь ее найти, после переезда?

Ну а разве мое отношение к остальным представительницам половины человечества так уж безоблачно? При каждом удобном случае я унижал их, выставляя превосходство мужского разума. А куда он меня привел? Чуть не загубил совсем, если бы не спасла меня «глупая» женская доброта. Пока я выступал на партийных собраниях, размахивая атеизмом, как пиратским флагом, именно старушки продолжали нести свои записочки в церкви, чтобы вразумить нас, ослепленных помраченным умом. Это они крестили нас, преодолевая бабий страх. Это они сквозь годы всеобщего предательства донесли до наших дней свечу веры. Спасибо вам, дорогие, и простите меня, неблагодарного.

Мое самобичевание продолжалось еще какое-то время. Дождик то затихал, то снова брызгал в лицо мелкую водяную пыль. Ноги промокли, куртка не грела, но только все теплее становилось мне в этой внешней промозглости. Таяли одна за другой уродливые громадины, стирались из моей души. Чище и спокойней становилось там, глубоко внутри.

А это что за страшная глыбина? Это моя ненависть к целым народам. Какое право я имею вторгаться в такие высокие сферы своими кухонными пересудами? Да не будет воля моя, подлая и немощная, но воля Вседержителя во веки веков! Прости меня, тоже наказанного, народы наказанные! Будем вместе исправляться, если сможем. Если найдем силы бороться против черной силищи, сбросившей нас – всех и каждого – в прах за одно и то же преступление. Трудно сейчас нам всем, ибо все мы сыны блудные, со свиньями собственных грехов обретающиеся. Но всех нас любит Отец и обратившихся к Нему не унизит местью и попреками, но для всех соберет стол праздничный и со всякой щеки отрет слезу покаянную…

И эта черная глыба рухнула и рассыпалась в пыль. Словно еще один очистительный вихрь пронесся в душе и вымел эту ядовитую пыль вон. Словно взлетел я на миг над землей, подхваченный свежим порывом. И это грязное место души моей заполнил благодатный всепрощающий мир.

Во время этой внутренней деятельности я почти не замечал, куда несут меня промокшие ноги. А вынесли они меня к остановке трамвая. Сел в подошедший вагон и доехал до монастыря. У его древних белых стен, метра на три врытых вглубь земли «культурным слоем» мусора и пыли, рядком сидели нищие. Рука моя потянулась в карман и достала пачку свернутых пополам купюр. Я раздавал их, просил молиться о моем здравии. Они благодарно принимали деньги, вскакивали и сразу принимались за молитву. Сейчас эти грязные оборванцы стали для меня почти родными.

Особенно меня порадовали трое: две женщины и мужчина, сидевшие на влажной траве под куском черной пленки. Они трапезничали белым хлебом, луком и копченой ставридой, запивая водой из большой пластмассовой бутылки. Я присел к ним, раздал деньги. Они меня горячо поблагодарили и заботливо прикрыли от мелкого дождя краем хрустящей пленки. Мой взгляд остановился на их руках. Раньше меня бы передернуло от их вида: красные, обветренные, с серыми цыпками и грязными ногтями. Этими руками они заботливо поправляли иконы, висевшие у них на груди. Они улыбались, гладили меня по спине, а я плакал. Эти несчастные стали для меня благодетелями. Вот так круглый год ходят они из монастыря в монастырь, презрев презревший их мир, молитвенники за мир, спасители мира. Я подумал: не пойти ли мне вместе с ними, – но понял, что слаб для этого, слишком избалован, слишком люблю себя. Под их заботливым покровом уютно и спокойно мне стало. И даже не хотелось от них уходить. Но, поблагодарив их от души, попросил молиться за меня, чахлого, и направился в сторону монастырских ворот.

Вошел на мощенную лакированным камнем территорию монастыря и растерялся: куда идти? В центре возвышался белый огромный собор. Пошел туда. За тяжелой дверью собора стояла тишина. Служба кончилась, и женщины наводили порядок. Когда я вошел и стал оглядываться, рядом со мной появилась шустрая сухонькая старушка и громким шепотом стала объяснять, что закрыто, что надо выйти. «Куда?» – «Не знаю, иди в церкву напротив, может, там кто есть.»

В еще большей растерянности стал я посреди монастыря и оглянулся. Мимо пробежали молодые послушники, потом опять женщины-трудницы, но священников видно не было. Решил дождаться, во что бы то ни стало. Из какого-то служебного здания вышел невысокий монах в наброшенной на плечи курткой. Я устремился к нему. Он остановился, и на груди его блеснул крест священника. Я уже стоял на коленях:

– Батюшка, меня сегодня приговорили к смерти, у меня последний день, примите меня!

– Идем.

Мы дошли до собора, но не стали подниматься по главной лестнице, а слева от нее спустились по ступенькам к двери, ведущей в нижнюю церковь. Своим ключом священник открыл замок и вошел внутрь, я последовал за ним. Здесь, в полумраке, у алтарных икон горели лампады, стояла гулкая тишина, нарушаемая нашими шагами. Священник снял куртку, и я смог его рассмотреть. Невысокого роста, в черном подряснике и клобуке. Со строгого лица аскета на меня глянули добрые ясные глаза. Судя по длинной черной бороде с сильной проседью, ему было не меньше шестидесяти лет. Он надел епитрахиль, выложил на аналой Крест и Евангелие и глуховато спросил:

– Так что случилось?

Я рассказал о посещении поликлиники и разговоре с врачом. Потом о своем внутреннем покаянии.

– Ты веришь, что Господь и Пресвятая Богородица могут тебя исцелить?

– Верю.

Он кивнул и, встав лицом к иконостасу, прочел молитвы. Обернулся ко мне и произнес:

– Кайся.

Я стал на колени, и мои грехи, приняв форму звука, полились из меня грязным потоком. В обычном состоянии мне бы и десятой части этого не вспомнить, а тут… С самого детства все мои подлости, как кадры из фильма, всплывали из глубин памяти и мелькали перед моим внутренним зрением. Эти зрительные образы, превращались в слова и гортанью выносились вон. Священник иногда переспрашивал меня, и сердце мое екало от страха, но он кивал, и я облегченно продолжал. Вот моя память привела меня к сегодняшнему дню, быстро пролистала его час за часом, и я умолк. Прислушался к себе – вроде все…

Мою повинную голову накрыла лента епитрахили, сверху – рука, от которой сквозь ткань струилось успокоительное тепло. Батюшка прочел разрешительную молитву, и я встал с колен. Он неожиданно радостно глянул на меня и обнял.

– Ты сегодня ел-пил?

– Нет, не удалось.

– Сейчас мы тебя причастим.

Он сходил в алтарь и вынес оттуда золоченую чашу. Снова читал молитвы, потом торжественно, как великую ценность, взял в ложечку частицу Святых Даров и поднес к моим губам. Я сложил руки крестом на груди и открыл рот, почувствовал, как жар от языка по всему моему существу разлился ярким светом, изгоняющим тьму. Затем запил «теплотой» из фарфоровой чашки, заботливо, как ребенку, поднесенной батюшкой к моему лицу.

– А теперь давай прочитаем акафист Пресвятой Богородице, чудотворному образу Ее «Всецарица».

Акафист он читал нараспев, сначала глуховатым голосом, потом все более густым и радостным. И вот уже каждое слово отдавалось в моей голове, в моем теле, заполняя все внутри: «Радуйся, Всецарице, недуги наша благодатию исцеляющая!» Радовался батюшка, всецело отдавшийся пению; радовался и я, совершенно забывший о своем несчастии; вся церковь радовалась и ликовала вместе с нами, трепетными отсветами иконных ликов, легким эхом отзываясь каждым закутком. «Радуйся и ты!» – вспомнился ответ Богородицы афонскому монаху Кукузели, при каждом удобном случае воспевавшему акафистами славу Царице Небесной.

– Теперь читай этот акафист каждый день и исцелишься, – батюшка протянул мне тоненькую книжечку.

Его спокойная уверенность передалась мне.

– Как мне вас отблагодарить, батюшка?

– Исцелением своим, сынок.

Вышел я наружу и даже не удивился изменению погоды. В небе над монастырем из ярко-синего разрыва серой облачности сияло солнце: «Радуйся и ты!»

Обследование в клинике вызвало бурную реакцию врача. Перелистал он результаты анализов и загромыхал на все отделение:

– Делать нам тут нечего, что ли! Почему эти тупицы присылают сюда совершенно здоровых людей! Да с такими данными – хоть в космонавты!

Странно, эта новость меня совершенно не удивила. Единственное, что я нашелся ответить:

– Они не тупицы. Все они сделали правильно. Просто я… исцелился.

Полигон

Ближним моим и дальним, пока еще живущим на Полигоне, посвящается.

В мое окно постучали, я нехотя оторвался от книги, накинул куртку и вышел наружу. Хозяин взмахом руки позвал за собой, широким шагом двинулся в сторону своей резиденции. Я понуро следовал за ним. Такое посещение Хозяина предвещало одно из двух: хорошую взбучку или награду. Так как за последнее время ничем особенно хорошим я не отличился, то, скорей всего, сейчас меня ожидают неприятности. Еще раз всмотрелся в спину Хозяина, энергично, чуть вразвалку идущего впереди, но ничего полезного для себя из вида его мощной спины не извлёк.

Только что привезли машину свежего товара. Жора уже выковыривал из кучи самое ценное. Его подручные сортировали отобранное шефом по аккуратным кучкам. Ряша подкатилась шариком, быстренько хватанула кусок зеленого хлеба в одну руку, черный банан – в другую и, кусая добычу на бегу, ретировалась. Жора успел-таки лениво пнуть ее в бок каблуком сапога, но не больно, так – для порядка.

В кабинете Хозяин устроился в своем кресле, подбородком указал мне на один из стульев. Я присел, вытянул руки впереди себя на столе, сцепив пальцы в замысловатый замок. Хрипловатый голос Хозяина прозвучал неожиданно тихо:

– Надо будет удвоить процент этому деловому.

Оказывается, он наблюдал в окно за шустрой работой Жоры. Перед ним на противоположной стене кабинета светились экраны множества мониторов. Каждый показывал, что происходит в разных точках Полигона, где имеется хоть какая-то деятельность. Из-за спины Жоры профессионально проверялся, то есть воровато оглядывался, полковник органов надзора Удин, ожидавший своего процента.

Когда-то этим занимались бандиты. Потом одних перестреляли, другие со временем перешли в легальный бизнес, третьи перешли в органы и уже под их железным щитом обирали бизнесменов. «Полковник в законе» Удин работал в прежних еще органах, затем его поймали на убийстве своего начальника, предложили уволиться с повышением, но он обиделся, убил обидчика, затем создал собственную банду. Когда органы стали сотрудничать с бандитами, полковник восстановился в прежнем звании, добавив к нему полученный в банде титул «в законе». Так и ходил на работу в погонах, татуировках и золотых цепях. Единственным человеком, которого он остерегался, оставался Хозяин, хотя поговаривали, что и тому приходится иногда прибегать к помощи «полковника в законе».

– Он и так ворчит на непосильное бремя поборов, – бросил я наугад, чтобы выйти из своего ступора.

– Ерунда! Только я один знаю, сколько он ворует и как. Жорик обнаглел, а за это надо наказывать. – Хозяин помолчал и обернулся ко мне. – Понимаешь, Леха, мне все про всех известно. И про тебя тоже…

Мне стало жарко, я расстегнул несколько пуговиц своей куртки и уставился на одну из них, спрятав глаза от пронизывающего взгляда Хозяина. Позеленевшая медная пуговица висела на двух нитках. Внутри пылающей головы пискнула жалкая мыслишка: «Если выйду отсюда своими ногами, обязательно ее пришью покрепче».

– Скажи, ты ходил на Лысую гору?

– Ходил, – выдохнул я обреченно.

– И что там делал?

– Смотрел на Дворец.

– Ну и как он тебе?

– Мне показалось… То есть знаю точно, что он…

– Я слушаю.

– Он прекрасен! – вырвалось у меня.

Моя голова опустилась еще ниже. Пальцы одеревенели от напряжения. Я замер в ожидании страшного. И вдруг совершилось нечто неожиданное. На мои оцепеневшие пальцы легла сверху теплая громадная рука. Я поднял глаза и встретился с незнакомыми глазами Хозяина. Такого в них я еще не видел: из самой глубины зрачков на меня струилась отеческая умная доброта.

– И что, действительно, как говорят, он сияет?

– Да, Хозяин, сияет, как солнце! – выдохнул я, совершенно осмелев. – А вы разве сами не видели?

– И у Авеля ты был?

– Да.

– Что же он тебе сказал?

– Авель сказал, что двери Дворца открыты для всех.

– Это я знаю, а еще что?

– Еще он сказал, что меня туда зовут.

– Ну, что ж… Ты ни разу не соврал. Значит, я в тебе не ошибся.

Он встал со стула напротив, куда пересел во время моего испуганного забытья, и вразвалку прошелся по кабинету. Я с облегчением осмотрелся. Мне доводилось бывать здесь дважды, но ничего, кроме своих сцепленных рук на столе и внутреннего напряжения, в памяти не осталось. Кабинет, как и вся резиденция Хозяина, по меркам Полигона, имел вид солидный и даже роскошный. Но мне довелось увидеть Дворец, а после этого зрелища все на Полигоне мне казалось гнилым хламом. Дворец сверкал гранями драгоценных камней, сиял ярким светом. Нет слов, как он прекрасен!

– Мои предки строили этот Дворец, – донесся издалека голос моего собеседника. – Отец мой во время восстания брал его штурмом. Был даже комендантом, но его убили во время бунта. Меня как сына героя поставили Хозяином Полигона. У нас в семье было двенадцать братьев и сестер. Они все уже умерли. Мой учитель говорил, что смерть на Полигоне только тогда может считаться героической, когда человек, презирая законы старого мира, убивает себя сам. Именно так все мои родственники и поступали. Одни убивали себя пулей, другие водкой, третьи бросались вниз головой со скалы героев. Сейчас я уже стар, и передо мной стоит выбор: или покончить с собой, или идти во Дворец. Ни того, ни другого я сам сделать не могу.

– Хозяин, вы себя недооцениваете. Нужно лишь встать и пойти.

– Совсем ты еще мальчишка, Леха, – улыбнулся он, задумчиво теребя седую бороду. – Чем дольше работаешь на Полигоне, тем труднее выбраться из его паутины. Поэтому я тебя прошу… Да, прошу пойти во Дворец и отнести туда мой дар. Говорят, если они примут дар, то у человека появится шанс выжить. Даю тебе время проститься со всеми, и сразу уходи. Слышишь? Не задерживайся, какие бы ни возникли причины, – уходи решительно, без оглядки!

Вышел из резиденции я другим человеком. Окинул взглядом обширные поля Полигона, людей, копошившихся в кучах товара, птиц, летавших над всем этим в сером небе, – и будто увидел все впервые. Каким неприглядным мне это показалось! И отвращение, и жалость закрались в мою грудь. Но вдруг я вспомнил о грядущих переменах – и будто свежим ветром дохнуло на меня. Куда мне отправиться в первую очередь? Наверное, к Авелю.

Только что привезенная куча товара уже рассортирована. Жора сидит на веранде офиса и считает доходы. Он поднимает на меня глаза и улыбается:

– Кажется, сегодня я заработал еще на одну виллу.

Вилл у Жоры несколько, причем в самых красивых местах. Мне довелось побывать на трех. Одна стоит близ дороги, по которой возят товар. Когда проезжает очередной грузовик, виллу трясет и грохот заглушает все разговоры. Не помогают ни высокий забор, ни множество пластмассовых деревьев, ни ярко-зеленая синтетическая трава, хотя все эти модные навороты и стоили ему бешеных денег. Другая находится на берегу реки. Бурые воды этого водоема источают густые испарения, от которых даже наши птички падают замертво. Третья вилла одиноко торчит на колесиках среди бетонного поля. Дело в том, что товар после сортировки и отлежки трамбуют и заливают бетоном. На бетонных полях некоторое время живут, но свободного места у нас тут все меньше, поэтому в некоторых местах товар укладывают вторым слоем поверх бетона, а построенное здесь жилье перемещают с места на место.

На свои виллы Жора ездит на комфортабельном автомобиле. От грузового он отличается тем, что внутри кабины лежит толстый мягкий коврик, поэтому трясет меньше. Еще там есть вентилятор, гоняющий воздух, поэтому бензином и товаром пахнет слабее. Хотя…

Жора выкупил себе эксклюзивное право отбирать лучший товар, наименее испорченный. Только следом за ним остальные могут приступить к своей работе. Хотя ко мне он относится и с симпатией, но все равно при случае посмеивается. Непонятно ему, почему у меня покупают мои научные книги и энциклопедии, каких глупцов может заинтересовать такая литература. Да и уровень моих доходов вызывает у него саркастический смех.

За углом дымят котлы нашей кормилицы Ряши. Она у нас работает с пищевым товаром. Этим делом занимались и ее предки. Хоть и много она варит и жарит, но хватануть какой-нибудь черный банан из новой партии – это ее непреодолимая страсть. Жует она постоянно, может быть, поэтому по комплекции напоминает шар.

Вот и Ляля стоит у стены своего дома с желтым фонарем. Она несколько подслеповата, поэтому и мне кричит свое «Заходи, сладенький!». Потом разглядывает меня и дружески кивает. Я интересуюсь, как поживает ее сын. Она мне улыбается: все нормально, мол, выздоравливает. Как-то у нее случился бурный роман с нашим красавчиком Флоксом, только даже Ляле не удалось своей горячей любовью расплавить его самовлюбленность. Как говорится, в своей любви они были абсолютно единодушны: она любила его, и он тоже любил себя. После того романа у нее появился сын Толик. Мы с ним дружим. Удивительно смышленый парнишка. Перечитал почти все мои книги. Только болеет он часто. Однажды он признался, что это у него от переживаний по поводу маминой работы. Хотя нет более любящего и заботливого сына. И Ляля в нем души не чает.

Раб устало проплелся мимо, даже не поглядев в мою сторону. Всю свою жизнь он работает, кроме времени, положенного на сон. Как-то и это время он пробовал отдать работе, но через неделю свалился с ног и заболел. Работает он и на Жору, и на Ряшу, и на всех, кто платит, сколько хватает времени. Никто не видел его отдыхающим, думающим или читающим. Даже ест он на ходу, идя с одной работы на другую. На празднике, когда все пируют и смеются, Раб тоже умудряется работать, поднося еду и напитки, таская музыкальные инструменты и реквизит.

Наша тихая Геля задумчиво слоняется по саду с книжкой стихов. Ничего не скажешь, сад она посадила очень даже красивый. Ржавые водопроводные трубы и автомобильные шины, сложенные в причудливую композицию, увиты плющом и заросли мхом. Кактусы высятся на кучах камней. Эти громадные булыжники она таскала сюда своими руками и раскрасила в разные цвета. Посреди сада – бурая лужа, по которой плавают обрывки бумажек и серенькие чайки. Геля знает много стихов и способна часами их читать, вернее, напевать. Она закатывает глаза, поднимает бледное сухонькое лицо к небу и затягивает: «Ах, эта стылая фортуна слезит по склянке бытия…» Разговаривать с ней бесполезно. Я пробовал. Ты ей задаешь вопрос про доходы, а она отвечает, что звезды подошли к ней сегодня особенно близко. Ты ей про музыку,

а она вдруг завоет про плесень на капле луча. Хотя, конечно, женщина она беззлобная и тихая. Ходит между камней и поскуливает себе под нос.

Прямая противоположность Геле – наша великая начальница Амазиха. Эта женщина может только командовать и требовать. Командует она подчиненными и мужем, прохожими и соседями. Требует – у тех, кто выше ее по должности. Часто терпение людей, с которыми она общается, кончается, и ей устраивают скандалы и даже иногда бьют. Только страсть командовать у нее не убывает. Вот и сейчас Амазиха с высоты балкона, поджав и без того тонкие синие губки, подбоченясь фертом, скрипучим голосом дает мне указание прекратить тут разгуливать и срочно заняться полезным для нее делом. Так как я не обращаю на ее слова никакого внимания, она все больше распаляется, трясется, краснеет. Я уже отошел от нее на порядочное расстояние, а она все не унимается. Ага, вот переключилась на мужа, который не успел прошмыгнуть мимо незамеченным. Ох, бедолага, беги ты от нее!

На отшибе, среди густых кустов бузины, затерялась хибарка нашего отшельника. В этих зарослях, к всеобщему удивлению, напрочь отсутствовали змеи, крысы и комары, густо населяющие подобные места. Раньше Авель, как и все, работал, но по старости получил пособие, переселился в глушь и уединился. Днем к нему приходят разные люди – кто за советом, кто за лечением, а по ночам он закрывается и уходит в молчание. Пока я продирался сквозь заросли кустов, он сидел на крыльце и говорил с рабочим. Этот парень слыл задирой и скандалистом, но сейчас напоминал овечку, которую кормят из рук свежей травкой. Увидев меня, Авель кивнул на дверь хибарки. Я вошел внутрь.

Здесь в сумраке маленькой комнатки с крохотным оконцем царила тишина. Как только я входил сюда, тишина устанавливалась и в моей голове. Казалось, сюда не проникали даже грохот бульдозеров и рев грузовиков. Закончив прием посетителей, отшельник неслышно возник передо мной и присел за свой стол. Из шкафчика, из-за обычных книжек, купленных у меня, он извлек и положил перед собой свою главную книгу. Эта старинная книга с древними буквами и тисненым крестом, если бы ее обнаружили органы надзора, могла бы стоить ему если не жизни, то свободы. Правда, некоторые говорят, что сейчас времена уже не те, органы надзора насквозь коррумпированы, только никто законов Полигона не отменял, поэтому возможность наказания остается.

– Итак, Хозяин тебя отпускает, – прервал молчание отшельник.

– Да, и требует, чтобы я здесь не задерживался.

– Ну что ж, это разумно. Бывает прощание затягивается на всю жизнь.

– Было и такое?

– Случалось…

– Авель, почему ты сам отсюда не уйдешь?

– Я уже уходил. Пожил во Дворце, набрался сил, и велели мне вернуться назад. Нужно и здесь кому-то лечить больных. Вот и тебе я пригодился.

– Скажи, старец, смогу ли я там жить? Мне иногда кажется, что я стану тосковать по прежней жизни.

– Если ты способен полюбить свет и чистоту, то новая жизнь тебе понравится. А ты способен, иначе бы здесь не сидел.

– Разве другие с Полигона не любят свет? Разве чистота может не нравиться?

– Где-то в глубине души все люди светлы и чисты, но грязь проникает в каждую клеточку нашего естества и отравляет его. Чтобы очиститься, нужно не только желание, но и силы. Чтобы воспринять свет, нужно выйти из собственной внутренней тьмы. А для этого необходимо увидеть в себе тьму и возненавидеть ее. Твоя задача – пройти этот путь первым, чтобы за тобой последовали другие. Тех, кто не сможет выйти отсюда, ты будешь спасать во Дворце.

– А такое возможно?

– Тебя научат. Не сразу, но ты многое поймешь и многому научишься. Но готовься к тому, что тебе придется всего себя изменить, а это потребует многих усилий и терпения. Только награда за эти труды ожидает тебя такая, что ты сейчас и представить себе не можешь.

– Как мне лучше уйти отсюда, Авель?

– Лучше всего прямо сейчас зайти к Хозяину, взять его дар и, не оглядываясь, уйти. Но я знаю, что тебе обязательно нужно со всеми проститься. Ну что ж, устрой пир, угости всех, а наутро сразу и уходи. Никому о своем уходе не говори. На кого имеешь обиду, попроси прощения наедине, если тебе позволят… С собой ничего не бери. Вот и все. Прощай.

На обратном пути я зашел к музыканту Дубе и кормилице Ряше, заказал им организацию пира. Они обрадовались и похвалили меня, даже не поинтересовавшись поводом. Заломили эти прохвосты жуткие цены, я возмутился и хотел было поторговаться, но вспомнил, что деньги теперь не имеют значения, и, к их великой радости, согласился.

Хозяин встретил меня у входа в резиденцию. Казалось, он нетерпеливо ожидал моего появления. Молча провел к себе, усадил за стол. Показал рукой на экран монитора.

– Видишь грузовик с тентом? Завтра утром садись в кабину и уезжай. Поедешь без остановки до самого Дворца. Там скажешь, что от меня.

Пир грохотал и смеялся. Народ пил водку и объедался разной вкуснятиной, которую наготовила Ряша. Дуба сотрясал пространство кислотной музыкой. Сейчас он пел свой суперхит о гниении, самоубийстве и страстях. Многие – сидя, или стоя – извивались под громовые ритмы, выпучивая глаза и строя страшные гримасы. Считалось, чем больше кривляешься, тем ты свободней и сильнее, тем более способен воспринимать эту кислотную психоделию надрыва и смертельного восторга. Дуба уже давно не пил водку, ему настоящее наслаждение сообщали только уксусная эссенция и бешеные ритмы. Однажды он провозгласил, что самоубийство в последний момент жизни – это слабо, вся жизнь должна стать медленным изощренным самоуничтожением.

Я видел этих людей, может быть, в последний раз. Мне хотелось поговорить, излить душу, попросить прощения, но пир не давал такой возможности. Музыка заглушала все звуки, в паузах между песнями народ пил водку, объедался из громадных котлов и смеялся шуткам, заранее заученным из специальных веселильных книг.

Ко мне часто подкатывала Ряша, ставила передо мной еще одну чашку с едой и громко возмущалась, что же это я за мужик такой, если не съел еще и десятка порций. Сама при этом непрерывно – ложка за ложкой – наполняла свой обширный рот из каждого блюда, находившегося поблизости. Она всегда была доброй, незлобивой женщиной, готовой всякого накормить до отвала за мизерную плату. Я сказал, что очень ей благодарен, за что она на радостях впихнула в мой открывшийся рот большую порцию тушенки. Пока я жевал, она уже кричала своей помощнице, что крысы вовсе не противны, просто их надо уметь готовить…

Флокс сидел напротив и по привычке разглядывал себя в отражениях всех гладких предметов. Множество женских глаз восторженно впивалось в его прилизанную и напомаженную, разукрашенную цветными карандашами физиономию. Он заметил, что заказчик пира, то есть я, смотрит на него, и стал поворачиваться, красуясь в разных ракурсах, кокетливо улыбаться, поводил плечами и вращал глазами. Я с трудом через стол дотянулся до него и погладил его по мускулистому накачанному плечу, присоединяясь к восторгам множества почитателей его красоты. Флокс снисходительно улыбнулся, благосклонно приняв мой жест.

Мимо пробежала озабоченная Амазиха в сопровождении послушной свиты. Мне она приказала немедленно встать и присоединиться к танцующим, потом крикнула Дубе, чтобы он сыграл ее любимую песню «Вставай, проклятьем заклеймись», а не «какую-то ерунду». Ряше приказала переставить котлы с едой и украсить их по-другому. Флоксу дала указание прийти к ней в гости и развлечь ее вечером. Словом, работы ей сегодня предстояло много.

В это время на сцену вышла Геля и под приглушенные ритмы суицидной психоделии запела в микрофон свежий стих: «Я страстно возжаждала студня из розовой плесени чувств…» Ее брови от напряжения эмоций приняли почти вертикальное положение, глаза куда-то закатились, а губы выгнулись печальной подковой. Напротив меня Флокс пробовал придать своему лицу такое же богемное выражение, но, изрядно помяв лицо и безуспешно состроив несколько рожиц, вернул себе прежнюю снисходительную мину. Геля после завершающего «Я выпила тебя до дна, вернись в свое болото!» от сильного перенапряжения рухнула в предусмотрительно протянутые руки Раба, и ее понесли в кресла отдохнуть и подкрепиться водкой. Я выхватил из вазы веточку чертополоха и признательно с поклоном возложил цветок к ее изысканно тонким ногам. Она благодарно провела по моему лицу холодной ладонью.

Подбежал ко мне сынок Ляли, Толик, и с разбегу прыгнул ко мне на колени. На его чумазой физиономии лиловел свежий синяк: снова дрался с обидчиками своей мамы. Наверное, только он один здесь предчувствовал прощание. Ничего он не говорил, да и в грохоте пира я не услышал бы его слабого детского голоска, он лишь прижался ко мне и обнял ободранными ручонками. А я гладил его по голове, чмокал в вихрастую макушку, жалея маленького друга на будущее, на время предстоящей разлуки.

По моему плечу сзади похлопали. Я оглянулся и увидел жестами зовущего меня за собой Жору. Он повел меня в ресторан начальства, где в кабинете сидела свита приближенных во главе с Хозяином. Тяжелой рукой он отстранил льнувшую к нему Лялю и жестом указал на соседнее кресло. В этом кабинете музыка звучала гораздо тише, поэтому можно было говорить без напряжения.

В углу за отдельным столом согнулся над машинкой Летописец. Он фиксировал для истории каждый шаг и каждое слово начальства. Также он записывал, кто, сколько и что съел, сколько товара принято и обработано, сколько заработано денег, куда потрачено и прочие сведения. В его функции входило написание истории, а также ее толкование. Причем каждый новый Хозяин Полигона заказывал свою версию истории, аккуратно уничтожая предыдущую. Так что работы у Летописца было невпроворот. Иногда и мне приходилось иметь с ним дело, когда ему нужны были сведения из старых энциклопедий. Он всегда поражал меня своей работоспособностью и обширными знаниями. Но самый большой талант имел он в толковании и перетолковывании исторических фактов. Самый главный принцип его работы заключался в поговорке: была бы генеральная линия – а уж историю мы подгоним!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.